

Н.П. Оленковский

ЦЕНТРАЛЬНОЕВРОПЕЙСКИЙ ЭПИГРАВЕТТ И ВОСТОЧНО-ГРАВЕТТИЙСКИЕ КУЛЬТУРЫ УКРАИНЫ

N.P. Olenkowski. Central European Epi-Gravettian and Eastern Gravettian Cultures of the Ukraine.

A study of problems of «Eastern Gravettian», understanding its essence and ways of development is very complicated and equivocal in nature. During the last decades the researchers of the Palaeolithic focused upon its various aspects. Thus, after A.N. Rogachev's discoveries, a rather significant retreat of many Soviet experts from the earlier predominant stage theory was marked in 1950s. Already by 70s, this process had enabled understanding specific nature of Eastern Gravettian Late Palaeolithic not only compared to the West European but also Central European sites. The only exception was Kostenki-Avdeev culture.

The nineties saw a retreat from some dogmas of Soviet Palaeolithic study among some Ukrainian and Moldavian archaeologists. Particularly, the works of N.P. Olenkowski, I.A. Borziak, D.Yu. Nuzhnyi focused especially upon definition of the sense and meaning of such concepts as «Gravettian way of development», «Eastern Gravettian», «Epi-Gravettian». These phenomena are regarded both in technical and technological perspective (D.Yu. Nuzhnyi) and historical and cultural (N.P. Olenkowski), which, in its turn, raises a question of criteria for distinguishing «archaeological cultures».

The analysis of stone items has classified, so far, as Ukrainian Epi-Gravettian the following cultures: Dniester-Wolyn (5-4 layers of Korman IV, 5-4 layers of Molodova V, Dolishni Ivachiv I, 5-4 layers at Lipa VI, layer 4 at Vladimirovka), Anetovka (Anetovka II), Akkarzha (Bolshaya Akkarzha), Lower Dniester (Kamenka, Usatovo), Lower Dnieper (Dmitrovka, Lyubimovka III, Solone Ozero VI, Pidporijnyi II, layer 5 at Osokorovka I, layer I at Vorona III), Desna (Chulatovo I and II, Minievski Yar, Bugorok), North Azov (Fedorovka, Cashtaeva Balka, Caystrova Balka VI, Capustyana Balka, Lysaia Gora), Upper Siureni (upper layers of Siureni I grotto, Late Palaeolithic layer of Adji-Koba I cave), Mezhirich (Gontsy, Dobravnichevka, Semionovka I-III, Mejirichi, Fastov, Gorbulev).

В 1990-х гг. в среде части украинских археологов начал прослеживаться процесс отказа от некоторых догматов советского палеолитоведения, превалирующих в 1960-1980-х гг.

Как известно, после открытий выдающегося российского специалиста в области позднего палеолита — А.Н.Рогачева (Рогачев 1953, 1957) начался достаточно интенсивный отход многих советских (в т. ч. и украинских) специалистов от доминировавшей в первой половине и середине двадцатого столетия стадийной теории. В результате этого процесса уже к 70-м гг. сложилось, в основном, мнение о специфичности позднего восточноевропейского палеолита. Иногда эти взгляды приводили к выводам об оторванности позднего палеолита Восточной Европы не только от западноевропейского, но и от центрально-европейского позднего палеолита. Исключением в этом плане выглядела, пожалуй, только костенковско-авдеевская культура, которая в силу поразительной схожести была отнесена к виллендорфско-костенковскому единству. Широко принятым оказался и взгляд А.Н.Рогачева о крайней этнической сложности носителей позднего палеолита Восточноевропейской равнины, который был распространен его последователями на всю Восточную Европу, разнообразии и разнокуль-

турности оставленных этими носителями археологических памятников. Пожалуй, в концентрированном виде эти взгляды отражены в обобщающей работе российских археологов, посвященной позднему палеолиту европейской части СССР (Рогачев, Аникович 1984). Не прибегая к обзору крайне объемной и сложной историографии, отражающей эти взгляды, тем не менее замечу, что и поздний палеолит Украины рассматривался в 1960-1970-х гг. в этом ключе. Как пример можно привести взгляды Г.В.Григорьевой по позднему палеолиту Северного Причерноморья (Григорьева 1968), С.В. Смирнова по Надпорожью (Смирнов 1973), М.И.Гладких по Среднему Поднепровью (Гладких 1971). Свообразным подходом отличались исследования позднего палеолита Среднего Поднепровья А.П.Чернышом. В какой-то мере этот подход можно признать наложением теории многокультурности А.Н.Рогачева на стадийную «канву». Конечно, стадийная теория в целом и особенно применительно к Центральной и Восточной Европе была слишком упрощенной и во многом ошибочной. Однако, ради справедливости нужно заметить, что некоторые взгляды на стадийность А.Н.Рогачева и его последователей излишне категоричны. Особенно это касается отри-

цания параллельности или близости развития во времени в разных регионах и различных культурах некоторых категорий и типов кремневого инвентаря.

На мой взгляд, подход к позднему палеолиту Восточной Европы как к крайне культурно-усложненному явлению и к тому же, в целом, оторванному от центральноевропейского позднего палеолита должен быть пересмотрен. Своими исследованиями второй половины 1980-х и 1990-х гг. я, как мне кажется, достаточно аргументировано, пытался это доказать (Оленковський 1986, 1992, 1995, 1996, 1997, 1999; Оленковський 1988, 1989, 1991, 1992, 1994, 1998).

Прежде чем перейти к анализу эпиграветта Украины, считаю необходимым рассмотреть несколько общих проблем, без раскрытия которых понимание моих взглядов будет усложнено.

В 1930-1950-х гг. поздний палеолит Восточной Европы (в т.ч. Украины) подразделяли на 2 глобальных историко-культурных пласта — европейскую приледниковую область и африкано-средиземноморскую область. В первой половине 1960-х гг. П.И. Борисковский выдвинул теорию о «...существовании особой области развития позднепалеолитической культуры, занимающей как бы промежуточное положение между европейской приледниковой областью и африкано-средиземноморской областью. Она охватывает степи Северного Причерноморья и Приазовья, характеризуется несколько особыми формами хозяйства, связанными с условиями окружающей природной среды (массовая облавная охота на стада диких быков), а также несколько своеобразным кремневым инвентарем» (Борисковский, Праслов 1964: 8-13). В последующем, и вплоть до сегодняшнего дня, российские и украинские исследователи дискутируют о существовании и взаиморасположении этих областей в рамках теории широтного (север-юг) взаиморасположения. Я отрицаю существование глобальных культурных различий по широтному принципу, по крайней мере для периода второй половины средней и всей заключительной поры позднего палеолита Украины и европейской части России. Исследования показывают, что историко-культурный «водораздел», в широком смысле, проходил по Днепру и имел меридиональный характер. Поздний палеолит Украины и европейской России периода 20 -12000 лет BP можно подразделить на 2 глобальных региона — к западу от Днепра (с некоторыми исключениями) с населением центральноевропейского происхождения и к востоку от Днепра (с некоторыми исключениями) с населением восточноевропейского (деснянско-донского и кавказского) происхождения. Более конкретно эти проблемы будут раскрыты в дальнейшем изложении.

Следующий момент, который требует пояс-

нений - понимание мною таких историко-культурных явлений, как «восточный граветт», «эпиграветт», граветтийский путь развития, прежде всего касательно их распространения в Украине.

Характерной чертой современных исследований граветтийской проблематики в Украине, России, Молдове является большая разбежность в понимании самого этого историко-культурного явления, а чаще терминологическое разнообразие, которое приводит к путанице и несогласованности взглядов. Так, используются термины - граветт, восточный граветт, граветтийский технокомплекс, граветтоидный путь развития, виллендорфско-костенковское единство (как синоним всего восточного граветта или культур с наконечниками с выемками), костенковско-виллендорфская культура, костенковско-авдеевская культура (как синоним всего восточно-европейского виллендорфско-костенковского граветта, или как культура типа стоянок Костенки I и Авдеево), поздний или верхний граветт, финальный граветт, микрограветт, эпиграветт, финальный эпиграветт, эпиграветтская культурная традиция. Часто абсолютно несовместимые термины подменяют один другим или используются как синонимы.

Прежде всего, я должен пояснить мой подход к расслоению понятия «граветтийский путь развития» Центральной и Восточной Европы на «восточный граветт» и «восточный эпиграветт». Этот вопрос отдельно рассматривался М.В.Аниковичем, который считает, что восточный граветт — термин, включающий культуры граветтийского пути развития, существовавшие на территории Центральной и Восточной Европы до 20-го тысячелетия, а эпиграветт означает граветтоидные культуры, существовавшие после 20-го тысячелетия (Аникович 1992: 17). Интерпретация Аниковичем термина «восточный граветт» в принципе совпадает с моим пониманием этой проблематики. Что касается термина «эпиграветт», то мои взгляды несколько разнятся от взглядов М.В.Аниковича.

Что касается сложности граветтийской проблематики и несогласованности взглядов на нее, можно обратиться к исследованиям российских специалистов, которые несравненно больше занимались этой проблемой, чем украинские археологи. Так Х.А.Амирханов признает, что «восточный граветт» не что иное, как совокупность граветтоидных памятников Центральной и Восточной Европы. Он не согласен с распространением понятия «восточный граветт» только на памятники костенковско-виллендорфского единства, что полностью согласуется с моими взглядами (Амирханов 1998:32). Как уже отмечалось выше, близок к такому подходу и М.В.Аникович (Аникович 1998: 49-50, 56). Однако, он, на мой взгляд, несколько упрощает чрезвычайно сложное и емкое явление, каким представляется восточный граветт. Так, например, все памятники виллендорфско-кост-

тенковского единства М.В. Аникович считает возможным объединить в одну культуру. Г.П. Григорьев понимает восточный граветт как сложное явление, но не разграничивает его на «восточный граветт» и «восточный эпиграветт» (Григорьев 1998: 76).

Часть российских исследователей (как и некоторые украинские) склоняются к употреблению термина «восточный граветт» только относительно памятников костенковско-виллендорфского единства, с чем, как уже отмечалось, я не согласен. Считаю восточный граветт явлением, с одной стороны, значительно более сложным по своей внутренней структуре, с другой — более глобальным. Интересно, что несмотря на всю противоречивость взглядов относительно восточного граветта в целом, сейчас уже абсолютное большинство российских, центрально-европейских и западных специалистов сошлись в том, что в Восточной Европе памятники костенковско-виллендорфского единства явление чужеродное, проникшее из Центральной Европы в уже готовом виде (Григорьев 1968; Рогачев, Аникович 1984; Соффер 1993; Kozłowski 1968 и др.). С этим доводом нельзя не согласиться. Отметить его очень важно с точки зрения дальнейшего раскрытия проблем «восточного эпиграветта».

В дискуссиях — можно ли считать граветтские памятники со специфичными наконечниками с боковой выемкой памятниками единства (виллендорфско-костенковского), распадающегося на ряд генетически родственных культур, или памятниками единой культуры (виллендорфско-костенковской) с различными локальными и хронологическими вариантами, то тут у меня нет сомнений в правильности первого подхода.

На мой взгляд, оправданным является расширение на поздний палеолит использования М.В. Аниковичем понятия «путь развития», предложенное Г.П. Григорьевым для объяснения разнообразия материальной культуры в мустье (Аникович 1992: 15). С точки зрения проблематики исторических исследований мне этот термин кажется более логичным, чем термин «технокомплекс», широко употребляемый западно- и центральноевропейскими специалистами.

Показательны своей спорностью взгляды на граветтскую проблематику молдавского археолога И.А. Борзняка. Они достаточно интересны для решения проблемы «граветта» и «эпиграветта» Украины и поэтому могут быть рассмотрены несколько шире. Этот исследователь считает, что типологическое разнообразие памятников, включенных в ареал «восточного граветта», не дает оснований для отнесения их к единому культурному массиву и отождествления их с единой группой населения. С этим выводом я полностью согласен, хотя и пришел к аналогичному выводу на иной аргумен-

тации. В этой же работе И.А. Борзняка отмечает, что «восточный граветт, вероятно, состоит из групп родственных культур» (Борзняка 1998: 136). И тут же пишет, что эти культуры объединяет не единство типологии, а «единое технологическое изобретение-использование различных пластин и пластинок разнообразных форм и размеров (в зависимости от хозяйственных нужд) в качестве вкладышей для сложных (композитивных) орудий...—Они оснащались пластинами и пластинками с притупленными краями и использовались в различных трудовых операциях, например, таких как резание и пиление кости и дерева. Все памятники «восточного граветта» объединяет лишь технологическая новинка. Если исключить из инвентаря памятников различные пластинки с притупленным краем, то перед нами встают различные археологические культуры» (Борзняка 1998: 136). Абсолютно удивительным после таких выводов выглядит предыдущий вывод И.А. Борзняка о родственности культур восточного граветта. Однако есть и другие выводы, с которыми трудно согласиться. Например, этот исследователь считает, что пластинки с притупленным краем разных форм и модификаций являются технологическим «фоном» для всего массива «восточного граветта». По мнению И.А. Борзняка, пластинки с притупленным краем являются технологическим изобретением в технике вторичной обработки, но никак не обязательным признаком культурного явления (Борзняка 1998: 136). С одной стороны, эти взгляды в некоторой мере согласуются с взглядами украинского исследователя Д.Ю. Нужного. При таком подходе напрашивается вывод, что историческое развитие базируется не на этнических и социальных процессах, а на технико-технологических изобретениях. С этим я не согласен. Так же, как и не могу согласиться с противоположной крайностью, приверженцами которой являются некоторые специалисты по археологии каменного века Украины, о том, что культурную принадлежность можно определять не на всем комплексе орудий, а только на отдельных «ведущих» орудиях, в том числе на остриях и пластинках с притупленным краем.

Возвращаясь к моему несогласию с М.В. Аниковичем относительно его упрощенного подхода к пониманию эпиграветта, согласно которому он не видит «никаких логических оснований для противопоставления «эпиграветта» «мадлену»: в этом смысле мадлен — лишь наиболее изученная эпиграветтская культура» (Аникович 1992: 17). Тут нужно отметить, что М.В. Аникович понимает мадлен как единую культуру. Согласно моему подходу к определению понятия «археологическая культура» для позднего палеолита, мадлен явление сложное и распадается на несколько культур, причем, как вертикального плана (расчлененных хронологически), так и горизонтального (распрос-

траненных по территории Западной Европы). Действительно, в заключительную пору позднего палеолита в Европе происходит своеобразная технико-технологическая унификация, которая, вероятно, и сблизила типологические показатели комплексов памятников различных археологических культур. Однако я считаю, что собственно эпиграветтскими полностью обоснованно можно считать лишь культуры (а не культуру), которые непосредственно развиваются из центрально-европейского граветта. Они распространены в Центральной и Южной Европе. Имеют выразительный специфичный инвентарь, в котором одними из наиболее выразительных и многочисленных орудий являются микроострия граветт. Глобальность и широкое распространение этих унифицированных индустрий дает возможность предполагать, что культуры граветтского пути развития этого времени формировались как за счет граветтцев, так и за счет неграветтского по происхождению, но воспринявшего прогрессивные технико-технологические принципы. Большинство культур Западной (в т.ч. мадлен) и Восточной Европы с наличием орудий с притупленным краем, существовавшие между 19 и 12 тысячами лет тому назад, могут считаться культурами граветтского (или даже эпиграветтского) пути развития. В принципе, для восточноевропейских культур граветтского пути развития этого периода можно было бы использовать и термин «восточный эпиграветт», предложенный М.В.Аниковичем, но с совсем другой понятийной нагрузкой. Сюда могут быть включены культуры деснянско-донского и кавказского происхождения. В свою очередь, культуры мадлена можно было бы называть «западным эпиграветтом».

Украинские специалисты исследованиям граветтской проблематики уделяли внимания значительно меньше, чем российские и центрально-европейские коллеги. Прежде всего, это касается культур виллендорфско-костенковского единства и культур граветтского пути развития, существовавших до двадцатого тысячелетия до наших дней. Причем, это касается и тех культур, которые развивались на территории Украины. Граветтская проблематика периода «эпиграветта», то есть проблематика граветтского пути развития средней и заключительной поры позднего палеолита, привлекала украинских исследователей намного больше. Однако, особенно это ощущается только в последние 5-7 лет.

Первой попыткой выхода украинских археологов на граветтскую проблематику, заслуживающей внимания, можно признать интерпретацию С.В.Смирновым надпорожского местонахождения Пидпорижний II. Показательно, что произошло это еще в 1970-х годах. Наблюдения этого исследователя показали, что «в плане сравнения с Пидпорижним II заслу-

живают внимания памятники Бофу Мик, Дырцу (5 слой), Подиш (5 слой), которые фиксируют финальный этап развития граветта этой территории» (Смирнов 1973: 112). При этом С.В.Смирновым был сделан осторожный вывод о том, что параллелей «недостаточно, чтобы говорить о прямой генетической родственности Пидпорижного II с финальнограветтскими памятниками Чахлеу... Возможно, что Пидпорижний II и Сокол I стоянки в окрестностях Чахлеу отражают близкие пути развития позднепалеолитических групп населения, которые их оставили» (Смирнов 1973: 112). Однако, уже через несколько лет взгляды С.В.Смирнова стали более уверенными. Он отмечает, что наличие граветтоидных острий «...позволяет ввести Пидпорижний II в круг памятников так называемого восточного граветта» (Смирнов 1977: 151).

Практически единственным исследователем Украины, который последовательно и целенаправленно обращался к эпиграветтской проблематике в 1980-х годах был автор этой статьи (Оленковський 1986; 1989; Оленковський 1988; 1989). Продолжались эти исследования и в 1990-х годах, но уже с учетом расслоения культур Центральной и Восточной Европы на центрально-европейский эпиграветт и одно-временные культуры граветтского пути развития (Оленковський 1995; 1996; 1997; Оленковський 1991; 1992; 1994; 1998). Мои исследования эпиграветта базировались, прежде всего, на выделенных позднеграветтской нижнеднепровской, позднеграветтской прудо-днестровской, позднеграветтской бистрицкой культурах. Обоснованность выделения в 1980-х гг. первой и последней культур подтверждена дальнейшими исследованиями. Относительно выделенной прудо-днестровской культуры, то сейчас, в конце 1990-х гг., мои взгляды на это явление значительно изменились.

Отметив свои предыдущие исследования граветтской проблематики, не могу не остановиться на объяснении использованной терминологии. Связано это с некоторыми недоразумениями. В последнее время в работах некоторых украинских коллег, особенно Д.Ю.Нужного, можно встретить взгляды, что я являюсь апологетом использования термина «восточный граветт» для интерпретации культур периода «эпиграветта». Это откровенное заблуждение. Я ни разу не использовал термин «восточный граветт» для выделенных мною позднеграветтских культур. Но проблема лежит в значительно более широкой плоскости. В целом, я поддерживаю склонность Д.Ю.Нужного к термину «эпиграветт». Однако, мы совсем по-разному подходим к граветтской проблематике — Д.Ю.Нужный понимает это явление как технико-технологическое. Рассматривая граветт в таком разрезе, неизбежен отход от изучения истории этнических обществ

и переход к изучению технических средств, а также истории изобретений и использования новых технологий. Но в таком случае не совсем понятно, какую смысловую нагрузку в термин «археологическая культура» вкладывает такой исследователь. Так как при этом подходе вообще нужно отрицать существование локальных культур как таковых. Я же понимаю это явление как историко-культурное.

Уверен, что непонимание лежит в другой плоскости — недостаточном знании в Украине исследований румынских коллег относительно граветтийской проблематики, которые под граветтом или даже «восточным граветтом» своего региона понимают палеолит граветтийского пути развития, и в этом правы (Битири 1965; Bitiri 1969; Brudiu 1970; 1979; Chirica 1989; Mogoşanu 1978; Păunescu 1968; Nicolăescu-Ploşor, Păunescu, Mogoşanu 1966 и др.).

Румынские специалисты подразделили «граветт» Румынии на 5 стадий: пре-граветт, ранний (нижний) граветт, средний граветт, поздний (верхний) граветт, финальный граветт. Я действительно использовал терминологию румынских археологов и заимствовал термины «поздний граветт» и «финальный граветт». Однако в понимании этих терминов между нами есть и очень существенные различия. Для румынских коллег выделенные фазы «граветта» лежат в плоскости стадияльной теории, для меня это не более чем периодизационный фактор. Я подразумеваю под терминами поздний и финальный граветт румынских коллег суммарный синоним центральноевропейского эпиграветта. При этом поздний граветт отвечает раннему эпиграветту, а финальный граветт - позднему эпиграветту.

Собственно эпиграветт, то есть эпиграветт центральноевропейского происхождения, распространен в Украине широко. Представлен большим количеством памятников, а также широкой культурной гаммой. При этом важно отметить, что историко-культурные процессы в украинском эпиграветте исследованы крайне недостаточно.

Районом наибольшего распространения эпиграветта на Украине можно признать Среднее и Верхнее Поднестровье. Одновременно эпиграветт имеет здесь и наиболее сложную, а также запутанную генетическую структуру. Выдающийся исследователь палеолита Поднестровья, которому мы, собственно, и обязаны большинством достижений в открытии и изучении позднего палеолита этого региона, — А.П. Черныш — несколько упрощенно понимал историко-культурные процессы, происходившие в тот период на территории Центральной Европы (Черныш 1960; 1974). Поэтому исследования в раскрытии эпиграветтской проблематики в украинском Поднестровье, а так же и во всей прикарпатской Украине еще впереди. Автор сейчас занимается этими исследовани-

ями, но еще не готов предложить достаточно завершенной разработки. Однако уже сейчас можно отметить общие тенденции в появлении и развитии эпиграветта Поднестровья и окружающих территорий. Прежде всего, важно отметить наличие двух составляющих в происхождении и развитии эпиграветта на широких просторах Восточного Прикарпатья (не только украинского, но и молдавского, и румынского), Подолья и Волыни. Одна составляющая базируется на молодовской культуре граветтийского пути развития. Другая составляющая имеет подосновой центральноевропейский восточный граветт вилендорфско-костенковского единства типа 7 слоя Молодово V.

Как представляется сейчас, на молодовской основе базируется днестровско-волынская культура конца среднего и начала заключительного периода позднего палеолита (наиболее вероятная хронология существования этой культуры 20 - 16 тысяч лет тому назад). Наиболее показательными памятниками этой культуры в Среднем Поднестровье являются стоянки 5 и 4 слоев Кормани IV, 5 и 4 слоев Молодово V (Черныш 1961; 1977); в Подолье — Долишній Ивачив I (Ситник 1999); на Волыни — стоянки 5 и 4 слоев Липы VI (Савич 1975); в Побужье — стоянка 4 слоя Владимировки. Эта культура специфична и по своим показателям вряд ли может уверенно быть отнесена к классическому центральноевропейскому эпиграветту.

На культурной подоснове восточного граветта типа 7 слоя Молодово V базируется несколько эпиграветтских культур Поднестровья, Попрутья и румынского Восточного Прикарпатья. Одной из таких культур, без сомнения, является выразительная и весьма показательная бистрицкая эпиграветтская культура на территории Восточной Румынии. В пределах Украины к этой культуре можно уверенно отнести стоянку Биля в Среднем Попрутье (Петриченко 1963). С отнесением этого памятника к граветту периода 25 000 - 22000 В.Р. (Борзіяк, Кулаковська 1998: 60) согласиться нельзя. Биля — типичный раннеэпиграветтский памятник, возраст которого находится, скорее всего, в пределах 18000 - 15000 В.Р.

В самом украинском Поднестровье существовало не менее 2-х эпиграветтских культур, от интерпретации которых автор пока воздержится. За пределами Поднестровья к одной из среднестровских эпиграветтских культур относятся стоянки 3-1 слоев Владимировки.

Достаточно продолжительный процесс освоения за счет эпиграветтского населения центральноевропейского происхождения, а также и населения местного контактного происхождения граветтийского пути развития, начался около 19000 В.Р. и для Южной Украины.

Начинается этот процесс анетовской культурой, представленной начальноепиграветтс-

кой стоянкой Анетовка II (Станко, Григорьева, Швайко 1989). Нет больших сомнений в том, что памятник оставлен многократными сезонными посещениями одного и того же места во время охоты на бизонов, вероятнее всего, одной общиной. Практически безошибочно можно утверждать, что предками носителей анетовской культуры были восточные граветтийцы центральноевропейского происхождения, продвинувшиеся между 20 и 18 тысячами лет тому назад на восток. Вероятно, это были потомки тех охотников восточного граветтавиллендорфско-костенковского происхождения, которые оставили в Среднем Поднестровье стоянку 7 слоя памятника Молодово V.

Специфичной эпиграветтской является аккаржанская культура. Она представлена, прежде всего, стоянкой Большая Аккаржа, а также несколькими соседними местонахождениями. В целом, эта культура эпиграветтская. Но создается впечатление, что она имеет несколько усложненное происхождение, возможно, за счет контакта пришлого с запада населения и населения местного, нижнеднестровского, происхождения. Судя по межкультурным аналогиям, аккаржанская культура находится в хронологических пределах между 18 и 15 тысячами лет тому назад.

К позднему эпиграветту относится нижнеднестровская эпиграветтская культура, которую можно датировать в пределах 15000-13000 В.Р. К ней отнесены такие памятники, как Каменка и Усатово. Скорее всего, ее происхождение базируется на развитии более ранних местных эпиграветтских культур Нижнего Поднестровья и не связаны с непосредственным переселением сюда более западного эпиграветтского населения.

На нижнеднепровском левобережье и в Надпорожье на временном отрезке между 17 и 15/14 тысячами лет тому назад существовала нижнеднепровская эпиграветтская (позднеграветтская) культура. Периодизацию культуры подтверждает полученная для Дмитровки, одной из древнейших стоянок этой культуры, дата - 16520±95 (Ki-5826). Она представлена такими памятниками, как Дмитровка, Любимовка III, Соленое озеро VI, Пидпоричный II, Осокоривка I (слой 5), Ворона Ш (слой I) и еще несколькими мелкими пунктами. На сегодня это единственная известная эпиграветтская культура центральноевропейского происхождения, носители которой пересекли Днепр и освоили крайнюю западную часть украинского Левобережья.

Для нижнеднепровской эпиграветтской культуры характерны следующие типологические показатели для орудий. Скребки количественно несколько уступают резцам. Изделия с притупленным краем не превышают 10-12%. Очень мало микропластинок с мелкой ретушью (дюфур). Долотовидные орудия наоборот очень

многочисленны. Стамески отсутствуют. Выразительными сериями представлены проколки, с преобладанием на углу пластинок. Показательными категориями орудий в этой культуре являются изделия с выемками и пластинки со скошенным концом или поперечной ретушью. При полном отсутствии скребловидных и зубчатых, есть отдельные лимасовидные орудия. Очень малочисленны комбинированные орудия. Характерны для этой культуры достаточно многочисленные пластинки и отщепы с ретушью - средней и мелкой, чаще частичной. Среди скребков преобладают концевые орудия на пластинах (больше) и отщепах (чуть меньше). Достаточно много бесформенных скребков на отщепах. Подокруглые скребки достигают 7-8%. Двойные скребки единичны. Абсолютно отсутствуют скребки «с носиком» и стрельчатые, но есть скребки-нуклеусы (до 4%). Среди резцов преобладают боковые. Уступают им несколько угловые. Срединных меньше. Единичны поперечные резцы. Достаточно многочисленны двойные и тройные резцы. Среди изделий с притупленным краем абсолютно преобладают острия и микроострия (до 75%). Они представлены орудиями типа граветт и микрограветт (до 70%), с выпуклой спинкой и косыми (по 10 - 12%). В комплексе Дмитровки есть подромбовидные острия. Пластинки с притупленным краем достаточно малочисленны. Около 20% из них с усеченным одним или двумя концами. Микропластинок с притупленным краем втрое больше, но усеченные концы у них встречаются втрое реже (Оленковский 1991).

Не исключено, что центральноевропейское происхождение имеет эпиграветтская стоянка Шоломки I на Житомирщине, на северо-востоке Правобережной Украины (Нужный 1998).

К граветтскому пути развития конца средней и заключительной поры позднего палеолита, то есть к «восточному эпиграветту», на территории Украины можно отнести культуры как восточноевропейского, так и кавказского происхождения.

Без сомнения, самой яркой восточноэпиграветтской культурой восточноевропейского происхождения является деснянская культура. Ее местное происхождение не вызывает сомнений. Вероятнее всего, генетической подосновой этой культуры являются предшествующие индустрии типа памятников Елисеевичи I, Мезин, в свою очередь произошедшие от индустрии восточного граветтадеснянско-донского региона.

К деснянской культуре на территории Украины относятся памятники Чулатово I, Чулатово II, Миньевский Яр, Бугорок. Все расположены в северной части Левобережной Украины. Они составляют меньшую часть всех памятников этой культуры. В целом, деснянская культура охватывает значительную площадь Восточноевропейской равнины. Однако, основная часть

памятников концентрируется в пределах среднего и верхнего Подесенья. Отдельные же памятники известны в долинах Северского Донца, Дона, Оки, Москва-реки, маркируя собою крайние точки распространения культуры. В пределах России к деснянской культуре можно отнести памятники — Тимоновка I, Тимоновка II, Юдиново, Юдиново II, Елисеевичи II, Карачиж, Курск I, Курск II, Борщево II (нижний слой), Заозерье I, Шатрищи.

Установление периодизации и хронологии деснянской культуры задача достаточно сложная. Судя по ее развитию с достаточно ощутимой трансформацией кремневой индустрии, период существования деснянской культуры достаточно продолжителен. На анализе геологических данных и типологии каменного инвентаря можно сделать предварительный вывод, что наиболее древние памятники относятся к самому концу пика последней ледниковой эпохи или, по археологической периодизации, к концу средней поры позднего палеолита. Верхняя межа культуры лежит в пределах Дриаса I. Установлению хронологии культуры способствует достаточно многочисленная серия радиоуглеродных дат. Для Юдиново: 18630±320 (ЛЕ-3401), 17800±810 (ЛЕ-3302), 15790±320 (ЛЕ-3301), 15660±180 (ЛУ-127), 14650±105 (АА-4802), 14610±60 (ГИН-5661), 14500±200 (ГИН-5588), 14470±160 (АА-4801), 14300±110 (ISGS-2084), 13980±110 (ISGS-2085), 13830±850 (ЛУ-103), 13720±210 (ЛЕ-3303), 13650±200 (ЛУ-153), 13300±200 (ОхА-695), 13200±200 (ОхА-696); для Тимоновки II: 15110±530 (ЛУ-358); для Тимоновки I: 12200±300 (ИГАН-82); для Шатрищ: 14360±150 (ГИН-2913); для Курска I: 11600±200 (ГИН-86). Учитывая, что все даты принадлежат памятникам среднего и позднего этапов существования культуры, общая протяженность ее функционирования может заключаться в пределах 18 (19?) — 14 (13?) тысяч лет В.Р.

Поздние памятники имеют свою специфику и могут быть выделены в поздний этап культуры (возможно, даже в позднедеснянскую культуру?). К ним относятся Бугорок, Курск I, Курск II, Борщево II (нижний слой). К наиболее ранним памятникам можно отнести Чулатово I и Миньевский Яр (нижний слой).

Деснянскую культуру характеризует очень упрощенный набор орудий. Не менее половины (а иногда и до 80%) всех изделий со вторичной обработкой составляют резцы. Скребок всегда в несколько раз меньше, чем резцов. Орудия с притупленным краем составляют, в большинстве случаев, 1— 5%. Микропластинки с мелкой подретушковой отсутствуют. Доловитовидные орудия и стамески отсутствуют или единичны. Практически отсутствуют и выразительные проколки. В большинстве памятников имеются изделия с выемками, но и они не составляют значительной пропорции. Только в отдельных памятниках незначительным процен-

том представлены пластинки с прямоусеченным или выемчатым концом. В то же время, остроскошенные острия и пластинки со скошенными концами являются своеобразной «визиткой» деснянской культуры — они есть во всех комплексах и представлены чаще всего 3-6%. Почти отсутствуют скребла и зубчатые изделия. Мало характерны для этой культуры и комбинированные орудия. Среди резцов всегда абсолютно преобладают боковые. Показательной чертой является невысокий процент двойных и тройных резцов. Скрепки представлены, в большинстве, концевыми на пластинах. Есть концевые на отщепах. Другие типы единичны или отсутствуют. Среди изделий с притупленным краем абсолютно преобладают пластинки и микропластинки с одним кругосрезанным краем, изделия с ретушированными концами единичны. Острия граветт и микрограветт также единичны или отсутствуют. Стабильно, практически во всех комплексах, имеются острия типа шательперрон (чаще небольшого размера).

Памятники позднего этапа деснянской культуры (позднедеснянской культуры?), составляя в целом близкий набор орудий, отличаются развитием некоторых их категорий. Уменьшается диспропорция между количеством резцов и скребков. Среди скребков появляются (и иногда достигают свыше 10%) двойные концевые скребки (чаще всего короткие) и в меньшем количестве — подокруглые.

К «восточному эпиграветту» Украины кавказского происхождения я отношу северо-приазовскую, верхнесюренскую и, в усложненном виде, межирицкую культуры.

Северо-приазовская культура территориально охватывает украинское Приазовье и нижнеднепровско-присивашский регион. Развивалась эта культура на среднем этапе заключительной поры позднего палеолита (Оленковский 1995; 1996; 1997; Оленковский 1994). Анализ археологических коллекций позволил отнести к этой культуре значительное количество памятников — Федоровку (оба слоя), Каштаеву балку, Кайстрову балку VI, Капустяну балку, Соленое озеро IX (нижний слой), Соленое озеро IX «а» (нижний слой), Соленое озеро I «а» (нижний слой), Лысую гору и, вероятно, Вэльвальскую балку и Канцерку.

Северо-приазовская культура характеризуется двумя типологическими вариантами хронологического происхождения. К первому этапу могут быть отнесены памятники: Федоровка (нижний слой), Каштаева балка, Кайстрова балка VI, Капустяна балка, Лысая гора, а также, возможно, Соленое озеро IX «а» (нижний слой). Ко второму этапу относятся: Федоровка (верхний слой), Соленое озеро IX (нижний слой) и Соленое озеро I «а» (нижний слой). Сомова балка выглядит промежуточным звеном между обоими вариантами.

Для комплексов памятников северо-приазовской культуры свойственны: почти равная количественная пропорция между скребками и резцами (иногда даже в пользу преобладания резцов) в ранних памятниках и преобладание скребков в поздних; наличие среди резцов выразительных серий и боковых (до 40%), и срединных (до 22%), и угловых (до 14%); высокий процент двойных резцов; значительная пропорция среди скребков двойных орудий; наличие острий с выпуклой спинкой и типа федермессер; значительная пропорция (до 50%) среди пластинок и микропластинок с притупленным краем орудий с ретушированными концами (прямоусеченными, остроскошенными, округлыми); наличие долотовидных орудий и стамесок. Микрокомплекс составляет, в среднем, около 25% орудий.

Северо-приазовская культура является, безусловно, продолжением развития каменнобалковской культуры, имеющей место в низовьях Дона. Хронология северо-приазовской культуры устанавливается на основании геологических данных и радиоуглеродных дат. В рамках датирования каменнобалковской культуры (при наличии многочисленных радиоуглеродных дат), с одной стороны, и датирования памятников позднего этапа североприазовской культуры, с другой. В целом, сложение и развитие этой культуры происходило в хронологическом отрезке 15-13 тысяч лет до наших дней. На это указывают и даты, недавно полученные для нескольких памятников:

Соленое озеро IX «а» (нижний слой) — 14800±80 (Ki-6360), Соленое озеро IX (нижний слой) - 13460±80 (Ki-5825), Соленое озеро I «а» (нижний слой) - 12700±60 (Ki-6357). Причем, Соленое озеро I «а» (нижний слой) уже имеет развитый комплекс с чертами финального палеолита и пережиточными элементами северо-приазовской культуры.

Еще одним культурным явлением «восточного эпиграветта», кавказское происхождение которого очевидно, является верхнесюреньская культура в Крыму. В целом, она относится к среднему этапу заключительной поры позднего палеолита. Предварительно ее хронологию можно определить в рамках 16 -13 тысяч лет В.Р. К этой культуре абсолютно уверенно относятся стоянки верхнего слоя грота Сюрень I (без шанкобинской примеси) и позднепалеолитического слоя пещеры Аджи-Коба I. Недавно А.А.Яневич отнес к этому кругу памятников слои 6-1 и 6-2 многослойного памятника Буран-Кая III и верхний слой стоянки Заскальная IX, выделив буран-кайскую культуру (Яневич 1998; 1999). Относительно стоянок слоев 6-1 и 6-2 Буран-Кая III. вероятнее всего, А.А.Яневич прав. Думаю, что после их полной публикации и более тщательного анализа эти памятники тоже можно будет включить в верхнесюреньскую культуру.

Несомненно восточноэпиграветтский характер имеет еще одна культура — межирицкая. Однако, ее происхождение носит более усложненный характер, чем у приведенных выше культур. Межирицкая культура тоже является культурой среднего этапа заключительной поры позднего палеолита. В нее включены памятники Среднего Поднепровья. Как на левобережье — Гонцы, Добраничевка, Семеновка I, Семеновка II, Семеновка III, Шушваловка I, Шушваловка II, так и на правобережье — Межиричи, Фастов, Горбулив. В настоящее время эта культура энергично исследуется Д.Ю.Нужным, с которым я во многом согласен (Нужный 1997).

Проведенный типолого-статистический анализ изделий со вторичной обработкой из комплексов межирицкой культуры дал следующие усредненные данные. Скребки только незначительно преобладают над резцами (2-3%). Изделия с притупленным краем относительно немногочисленны (до 11%). Микропластинки с микроретушью единичны (до 0,3%). Судя по публикациям, вроде абсолютно отсутствуют долотовидные орудия, но имеются стамески (до 0,4%). Незначительным количеством представлены комбинированные орудия (до 1,5%), еще меньше проколки (около 1%), есть изделия с выемками (до 2-3%) и пластинки со скошенным концом или прямоусеченные (2-3%). Достаточно многочисленны пластинки с ретушью (около 15%), значительно меньше отщепов с ретушью (около 3%). Среди изделий с притупленным краем значительно преобладают пластинки и микропластинки (около 80%), значительно им уступают острия и микроострия (до 20%). Среди острий и микроострий только около 19% составляют граветтоидные с прямой спинкой и свыше 80% орудий с выпуклой спинкой или косые. Среди пластинок и микропластинок с притупленным краем около 50% орудий с одним крутоусеченным краем, около 6% с двумя крутоусеченными краями и свыше 40% с одним или двумя прямо или округло ретушированными концами. Среди скребков; до 75% - это концевые на пластинках и отщепах, достаточно много двойных (свыше 9%), значительно меньше (до полутора процентов) — округлых, есть отдельные боковые и «с носиком», несколько больше стрелчатых (до 1,7%), меньше, чем в других приведенных культурах (кроме деснянской - что симптоматично) бесформенных скребков на отщепах (до 4%). Среди резцов преобладают боковые (более 40%), меньше срединных (около 20%) и угловых (около 17%), относительно многочисленны двойные (около 15%), малочисленны или единичны тройные (до 2%) и поперечные (менее 1%).

Межирицкую культуру можно датировать в пределах 15-13 тысяч лет тому назад. Этот вывод базируется как на типологических сравнениях с памятниками хронологически близких

культур, так и на радиоуглеродных датах для памятников этой культуры: Гонцы — 13400±185 (QC-898); Межиричи — 14320± 270 (QC-897), 15245±1080 (QC-900); Семеновка I — 13600±160 (Ki.5510); Семеновка II — 14200±180 (Ki-5509); Добраничевка — 12700±200 (ОхА-700). Относительно даты по Добраничевке, вероятно, уместным будет следующее замечание — анализ дат, выполненных для позднелитических памятников Украины и России, показывает, что даты Оксфордской лаборатории практически всегда омоложены в сравнении с датами других лабораторий.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х.А. 1998. Восточный граветт или граветтоидные индустрии Центральной и Восточной Европы? // Восточный граветт. М.: Научный мир. 15 - 34с.
- Аникович М.В. 1992. Граветтоидный путь развития, граветтоидные археологические культуры и проблема «граветтского эпизода» // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. —Тез. докл. семин., Одесса. 15 - 17с.
- Аникович М.В. 1998. Днепр-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М.: Научный мир. 35 - 66 с.
- Борзьяк И.А. 1998. Граветт Поднестровья и его связи с «единством виллендорф-павлов-костенки» // Восточный граветт. М.: Научный мир. 135 - 141с.
- Борзьяк І.О., Кулаковська Л.В. 1998. Граветт Подністров'я. Загальний огляд. // Археологія. Київ. № 4. 55-63 с.
- Борисковский П.И., Праслов Н.Д. 1964. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. А 1-5. М.-Л., 56 с.
- Гладких М.І. 1971. Різні прояви пізньопалеолітичної культури в Середньому Подніпрі // Український історичний журнал. Київ. № 10. 99 - 102
- Григорьев Г.П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука. 131с.
- Григорьев Г.П. 1998. Отношение восточного граветтена к западу // Восточный граветт. М.; Научный мир. 73 - 80 с.
- Григорьева Г.В. 1968. Позднелитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья. Автореф. диссертации ...канд. ист. наук. Л. 17 с.
- Нужний Д.Ю. 1997. Проблема сезонної адаптації фінально-палеолітичних мисливців на мамонтів Середнього Подніпр'я і нові епіграветські пам'ятки у басейні Трубежу // Археологія. № 2. 3 - 23 с.
- Нужний Д.Ю. 1998. Нові дані про пізній палеоліт Овруцького кряжу // Археометрія. Вип. 2. Київ. 72 - 90 с.
- Оленковський М.П. 1986. Любимівка III — нова пізньопалеолітична пам'ятка на Нижньому Дніпрі // Археологія. Вип. 54. Київ: Наукова думка. 47 - 52 с.
- Оленковський Н.П. 1988. Позднелитические памятники Нижнего Поднестровья // Тез. докл. науч. конф. Кировоград. 25 - 28 с.
- Оленковський Н.П. 1989. Поздний палеоліт і мезоліт Нижнього Дніпра. Автореф. диссертации ...канд. ист. наук. Киев. 16 с.
- Оленковський М.П. 1989. Пізній палеоліт Нижнього Подніпр'я // Проблеми історії та археології давнього населення УРСР. Тез. доп. наук. конф. Київ. 157 - 159 с.
- Оленковський Н.П. 1991. Поздний палеоліт і мезоліт Нижнього Дніпра. Херсон. 202 с.
- Оленковський Н.П. 1992. Позднелитические памятники Нижнего Дніпра // КСИА АН СССР, № 206. М.: Наука. 64 - 68 с.
- Оленковський М.П. 1992. Пізньопалеолітична стоянка Дмитрівка // Археологічні дослідження проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки. Київ. 11 - 21с.
- Оленковський Н.П. 1994. Нижнеднепровская и прутонижнеднепровская позднеграветтские культуры // Древнее Причерноморье. Краткие сообщения Одесского Археологического общества. Одесса. 14 - 15 с.
- Оленковський Н.П. 1994. Культурно-історическа градація позднего палеоліта нижнеднепровського регіона // Археологічний альманах, № 3. Донецьк. 193 - 203 с.
- Оленковський М.П. 1995. Північно-Приазовська пізньопалеолітична культура // Регіональне і загальне в історії. Тез. доп. наук. конф. Дніпропетровськ: Пороги. 51 - 52 с.
- Оленковський М.П. 1996. Кавказька складова у фінальному палеоліті та мезоліті Південної України //Археологія. Київ. № 3. 74 - 85 с.
- Оленковський М.П. 1997. Про походження граветських елементів в амвросіївській та нововолодимирівській культурах // Проблеми історії та археології України (К 140-літтю со для рождення акад. Д.І.Багалєя). Харків. 6 - 7 с.
- Оленковський Н.П. 1998. О каменнобалковской подоснове северо-приазовской и межирицкой позднепалеолитических культур // Проблеми археології Юго-Восточной Европы. Тез. докл. науч. конф. Ростов-на-Дону. 20 - 21 с.
- Оленковський М.П. 1999. Історико-культурний та хронологічний аспекти пізнього палеоліту півдня України // Археологічна збірка Херсонської обласної державної інспекції охорони пам'яток, № 1. ыХерсон: Придніпр'я. 13 - 21с.
- Оленковський М.П. 1999. Епіграветська стоянка-май-

- стерня — Солоне озеро VI // Археологічна збірка Херсонської обласної державної інспекції охорони пам'яток, № 1. Херсон: Придніпров'я. 79 - 90 с.
- Петриченко Н.Ф. 1963. Позднепалеолитическая стоянка Била на Пруте // Советская археология. М. № 3. 215 - 218 с.
- Рогачев А.Н. 1953. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточно-Европейской равнины // МИА, № 39. М.-Л. 39 - 55 с.
- Рогачев А.Н. 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА, № 59. М.-Л. 9 - 134 с.
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. Ч.3, гл.1.М.: Наука. 161 - 271с.
- Савич В.П. 1975. Пізньопалеолітичне населення Південно-Західної Волині. Київ: Наукова думка. 136 с.
- Ситник О. 1999. Пізньопалеолітичний кам'яний комплекс Долішнього Івачова I під Тернополем // Археологічна збірка Херсонської обласної державної інспекції охорони пам'яток. Херсон: Придніпров'я. 64 - 78 с.
- Смирнов С.В. 1973. Палеоліт Дніпровського Надпоріжжя. Київ: Наукова думка. 172 с.
- Смирнов С.В. 1977. Позднепалеолитические памятники Надпорожья и их место среди памятников степной полосы Европейской части СССР // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л.: Наука. 149 -157с.
- Соффер О.А. 1993. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // Проблемы палеоэкологии древних обществ. М. 99-118 с.
- Станко В.Н., Григорьева Г. В., Швайко Т.Н. 1989. Позднепалеолитическое поселение Анетовка II. Киев: Наукова думка. 139 с.
- Черныш А.П. 1960. Некоторые итоги исследования палеолита Поднестровья (1946-1957 гг.) // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев. 3 - 21с.
- Черныш А.П. 1961. Палеолитическая стоянка Молодово V. Киев. 176 с.
- Черныш О.П. 1974. Стародавнє населення Прикарпаття, Волинії Закарпаття за доби давнього камяного віку - палеоліту // Стародавнє населення Прикарпаття і Волині.-Київ: Наукова думка. 19 - 54 с.
- Черныш А.П. 1977. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и ее место в палеолите // Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре. М.: Наука. 7 - 77с.
- Тарасов Л.М. 1979. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. Л.: Наука. 168 с.
- Яневич О.О. 1998. Дослідження багатощарової стоянки Буран-Кая 3 в 1997 та 1998 рр. // Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. Київ. 157-158 с.
- Яневич О.О. 1999. Буран-Кая 3 в комплексі пізнього палеоліту Криму // Археологічна збірка Херсонської обласної державної інспекції охорони пам'яток. Херсон: Придніпров'я. 132 - 40 с.
- Битири Мария. 1965. Палеолит в Цара Оашулуй // Dacia, IX. 33 - 43 p.
- Bitiri Maria. 1969. Gravetianului în nord-vestul Romîniei // SCIV, 20, 4. 515 - 531s.
- Brudiu M. 1970. Așezările paleolitice gravetiene de la Puricani și Pbesa, Județul Galați // Danubius, IV. 3 - 9
- Brudiu M. 1979. Elemente epipaleolitice în gravetianul oriental final din sud-estul Moldovei // SCIVA, t.30, 2. 293 - 299 s.
- Chirica Vasile. 1989. The gravettian in the East of the Romanian Carpathians. Jassy. 240 s.
- Kozłowski J.K. 1968. Problem tzw. Kultury Kostenkovsko-wilendorfsky. Analiza inventazy Kameniennych // Archaeologia Polski. Warszawa-Wrocław. T.XIV, Cr.II. 19 - 85
- Mogoșanu Florea. 1978. Paleoliticul din Banat. București. 152
- Nicolăescu-Plopșor C.S., Păunescu Al., Mogoșanu Fl. 1966. Le paleolithique de Ceahlau // Dacia, N.S., № 10. București. 5 -116 s.
- Păunescu Al. 1968. O noua așezare gravettian-orientală în nordul Moldovei // SCIV, 19, № 1. 31 - 39